

Анатолий Лифшиц

(интервью)

-Расскажите о своих дальних предках.

К сожалению, я поздно начал интересоваться историей своей семьи, в частности, происхождением своих родителей. Когда мне стало это интересно, спрашивать было уже некого. Кое-что я все-таки помню. Моя мать была младшей, седьмой дочерью у своих родителей. Мой дед с материнской стороны Иосиф Гутман основал в Уфе в 90-х годах XIX века железообрабатывающие мастерские, которые впоследствии превратились в довольно большой чугунолитейный завод. Мастерские эти производили даже пожарные машины. Интересно, что когда я в 60-х годах путешествовал по Волге, я увидел в Волгограде крышки канализационных люков с надписью «Гутман». Бабушка по матери, Вера Михайловна происходила из Уральского города Троицка. Дед мой по маминым рассказам был человеком очень строгим как дома, так и на работе. Был он также чрезвычайно изобретательным в прямом, профессиональном смысле этого слова. Моя бабушка была по моим детским воспоминаниям очень хорошей, ровной и справедливой женщиной.

- Где и когда вы родись?

Я родился в октябре 1918 года в Уфе. Был самый разгар гражданской войны. Семья моего деда по матери бежала, как я позже понял от большевиков вслед за отступающим Колчаком. Они добрались до Владивостока, далее проследовали в Харбин. Потом они вернулись во Владивосток, где мой дед заболел и вскоре умер. Думаю, что это был приблизительно 1920 год. Бабушка жила поочередно в семьях своих детей, но большую часть жизни провела в семье своего младшего сына Давида. Я ничего не могу сказать наверняка о степени религиозности моих дедушки и бабушки, думаю, что религия не занимала большого места в их жизни. Бабушка подолгу жила с нами, ни разу я не видел ее молящейся, никогда она не ходила в синагогу.

-Что вы помните о братьях и сестрах ваших родителей?

Старшего сына в семье бабушки и дедушки звали Александр. Характер у него был жесткий, он часто ссорился с моим дедом (своим отцом). Однажды он даже ушел из дому, нанялся матросом куда-то в Южную Америку. Потом все же вернулся, помирился с родителями, взялся за ум и получил образование в Швейцарии. Работал он главным механиком Челябинского Тракторного Завода. В 1937 году во время «Большого террора» он был арестован и погиб в сталинских лагерях, никаких подробностей его гибели мы, разумеется, не знаем. Я не видел его ни разу в жизни. Другой брат мамы – Давид (младший из братьев) - получил образование в Германии, работал в области дорожного машиностроения. Он работал очень успешно, но его тоже не миновала чаша репрессий, в 1937 году его арестовали и отправили в лагеря в районе Воркуты. Но ему повезло, его машины начали барахлить, никто не мог разобраться, в чем дело. Давида, к тому времени уже полумертвого, доставили из Воркуты. Он смог разобраться в неполадках, объяснил, как надо их устранять. Его не послали обратно в лагеря, благодаря этому он остался жив. Он продолжал работать в

своей области, судя по всему вполне успешно. Во всяком случае, когда я в 1934 году, окончив 7 класс, поехал навестить его в Москве, оказалось, что у него есть персональная машина, подаренная ему лично Орджоникидзе. Здоровье дяди Давида было безнадежно подорвано лагерями, и он умер нестарым человеком во время войны. Давид запомнился мне остроумным и веселым человеком.

- вспомните какие-нибудь смешные истории, связанные с ним.

Мне почему-то запомнился один эпизод. Когда я в 1934 году гостил у дяди в Москве, моя бабушка жила у него. И вот рано утром все сидят за завтраком, входит шофер. Он подал машину, чтобы отвезти дядю на работу. «Здравствуйте, Иван Павлович», - приветствует его бабушка. «Замерзли, наверное, согрейтесь!» и наливает ему стакан водки. Дядя очень вежливо говорит бабушке, (они были всегда только на «вы»): «Что же вы спаиваете мне шофера?» Бабушка отвечает: «Что же я не знаю, как с кучерами обращаться?»

- А каким человеком была бабушка?

Бабушка, как я уже говорил, была очень справедливой.

Расскажу случай, который, на мой взгляд, доказывает это. Одна из бабушкиных дочерей, Ревекка, вышла замуж в Харьков. У нее родился сын Витя, мой двоюродный брат. Это был мой ужас! Я бы обыкновенным ребенком, я бегал, шалил, меня наказывали, а он был образцовым ребенком. Всю жизнь его ставили мне в пример, всю жизнь мама мне говорила: «Этого Витя никогда не сделал бы». Так вот, однажды бабушка мне вдруг говорит: «Расскажи мне про Гималайские острова». Я был уже не очень маленьким, мне было лет 10, географию я любил и знал, мне было известно, что Гималайских островов не существует. Но мне было неловко указывать бабушке на ее ошибку, я перевел разговор на другую тему. А вечером я услышал, как бабушка говорит маме: «Ты не права, у тебя сын совсем не плохой. Он не захотел меня обидеть. А Витька подробно мне объяснил, что я ничего не понимаю, что нет никаких Гималайских островов». После этого случая Витя исчез из арсенала воспитательных средств. Мы впоследствии встречались с Виктором, он был достойным человеком, полковником Военно-Воздушных Сил, воевал. И тем не менее, мне приятно сказать, что хотя он и был идеальным ребенком, достиг он в жизни меньшего, чем я. Итак, моя бабушка так и жила по очереди у своих детей и умерла в возрасте 82 лет в 1942 году.

- А теперь о маме.

Моя мама Евгения Гутман родилась в Уфе в 1898 году. Она окончила в Уфе гимназию и поехала учиться в Киев на какие-то женские курсы. Но в это в время уже началась Первая мировая война, немцы наступали, закончить образование ей не удалось. Но в Киеве в 1916 году моя мама встретилась с моим отцом, и эта встреча имела решающее значение в ее жизни. Итак, мама вернулась в Уфу, вслед за ней приехал отец и попросил у родителей ее руки. Они поженились и, когда мамы родители поехали на Дальний Восток, она с ними не поехала, а осталась в Уфе со своим молодым мужем. В 1918 году уже я родился.

- А папины родители были другими людьми?

Мои бабушка и дедушка с отцовской стороны, Александр Иосифович и Бася Яковлевна, были совсем другими людьми. Они жили в маленьком белорусском местечке Копысь Оршинского района

на берегу Днепра. Это была очень бедная еврейская семья. Быт таких семей многократно и красочно описывал в своих произведениях Шолом Алейхем. В семье было шестеро детей, мой отец был старшим из сыновей. Средства к существованию давала какая-то маленькая лавочка, которой занималась бабушка, а дедушка, в основном, молился. Дома говорили только на идиш, в маминой же семье идиша не знали. Семья была в высшей степени религиозной. Выполнялось все, что предписывалось иудаизмом. Тех бабушку и дедушку я видел несколько раз в жизни, они приезжали к нам в Уфу посмотреть, как живет семья их старшего сына. Бабушка была строгой женщиной, она говорила, что приезжает к нам «наводить порядок».

- Как в семье относились к религии?

Мама относилась к этим словам скептически, но беззлобно. Выслушивала она бабушкины советы всегда очень почтительно. А первым вопросом дедушки каждый раз по приезде был: «А где тут у вас синагога?» Он брал с собой какие-то полосатые простыни и кожаные ремешки и отправлялся молиться. Это меня очень удивляло, я и понятия не имел, что это талес и тфилин. В семье моих родителей к религии относились с уважением, но, как я уже говорил, она не занимала большого места в нашей жизни. Мы ели на Песах мацу, но куличи и пасху ели с не меньшим удовольствием. Меня в детстве учили уважительно относиться к священникам. Когда я прочитал сказку Пушкина «О попе и о работнике его балде» я был удивлен неуважительным отношением Пушкина к попу, т. е. к православному священнику. Что же касается раввинов, то я их в детстве ни разу не видел. Но вернусь к детству моего отца. В 13 лет его отправили «в люди». Он сел на пароход и отправился в Витебск, где жила его сестра с мужем. У мужа было какое-то небольшое дело, связанное с мануфактурой. Мой отец работал там счетоводом. Он нигде не учился, но был очень способным и целеустремленным человеком. Он экстерном сдал экзамены за гимназический курс и поступил в коммерческий институт в Киеве. Именно во время обучения в этом институте он и познакомился с моей мамой. Этот институт не давал никаких знаний в области техники.

- Про отца расскажите, пожалуйста.

Мой отец работал в конторе, которая называлась «Продосиликат». Занимались они производством и продажей посуды. Жили мы, как я теперь понимаю, не особенно хорошо. Я так думаю потому, что помню, как отец дома варил на продажу мыло. Не знаю, из чего он его варил. Помню, что оно получалось белое с голубыми прожилками, его резали проволокой на куски. Но постепенно наше материальное положение улучшилось, наступил НЭП.

- Вы богато жили?

Жили мы небогато, но и не бедно. По праздникам столы ломились от вкусных вещей. Пельмени готовились, как говорили, «по сто штук на мужика», блины и всякая всячина. Обычаи семьи были скорее русскими, чем еврейскими, это проявлялось во всем и в угощении тоже. Жили мы в первом этаже двухэтажного дома. Был двор, покрытый травой. Помню, что купили лошадь, потому что отцу нужно было часто ездить в командировки. Второй этаж дома занимала семья доктора Черняка. Мы с ними дружили, по субботам взрослые

играли в преферанс, в общем, вели размеренную провинциальную жизнь.

- А у вас были братья и сестры?

В 1923 году родилась моя сестра Юдифь. (В замужестве Милевская) Я на всю жизнь стал старшим братом. С шести лет мне стали перепадать колотушки, когда взрослым казалось, что я не соответствую этой роли. Школу сестра окончила в Киеве, в Уфе, в эвакуации поступила в Медицинский институт, закончила его в Москве. Моя сестра была очень способным человеком, работала в Москве, была известным врачом-гематологом. К сожалению, в прошлом году она умерла. У сестры есть дочь Вера и внук.

- Расскажите про работу вашего отца.

В 1924 году отца перевели в Казань, он получил повышение и стал заведующим конторой этого же «Продосиликата». Отец поехал туда первым. Немного позже мы с мамой поплыли туда на пароходе. Помню, что когда наш пароход был в месте впадения Камы в Волгу, к нашему пароходу пристал другой, плывший нам навстречу. Со встречного парохода к нам на борт перешел отец, он нас так встречал. В Казани мы жили в квартире на втором этаже дома. Около дома тоже был большой двор, поросший зеленью. В квартире была ванная комната, что было большой редкостью по тем временам. Мама моя была очень общительной женщиной, она приглашала всех бабушек, которые жили по соседству мыться. Помывшись они заматывали головы полотенцами, пили чай и говорили про «мирное время», т. е. про время до Первой мировой войны. Я слушал их рассказы с интересом. Память, конечно, вещь обманчивая. Когда я в 80-х годах попал в Казань и пошел по нашему прежнему адресу, я увидел маленький домик и маленький двор. Наверное, я сам за это время подрос.

В 1927 году отец получил еще одно повышение, и его перевели в Киев. В Киеве отец купил полквартиры у одного разорившегося нэпмана, там мы и жили, по существу, в коммунальной квартире. Вся моя жизнь в Киеве прошла в этой квартире. Вскоре НЭП ликвидировали, контору отца тоже закрыли, как я теперь понимаю, отец понял, что с коммерческой деятельностью лучше покончить, ничего хорошего она не принесет. Он имел откуда-то знания в области химии и пошел работать на стекольный завод. Его назначили главным инженером маленького стекольного завода в Житомирской области на границе с Польшей. Он проработал на двух стекольных заводах в общей сложности 6 или 7 лет. Работал он очень хорошо. Его главной задачей было поддерживать технологический процесс в стекловаренных печах. Он с этим прекрасно справлялся. Мы ездили к нему только летом, а жили в Киеве. Проработав там несколько лет, отец понял, что дальше его карьерный рост невозможен, т. к. у него нет специального образования. Ему предоставили полугодовой отпуск, и он экстерном закончил керамический факультет Киевского политехнического института. Занимался он днем и ночью. Как только он получил диплом, его назначили главным инженером большого стекольного завода под Харьковом. Там он проработал год, а потом его пригласили тоже главным инженером в Киев на новый завод по производству термосов. Там он работал тоже очень успешно, его фотография висела на доске почета. Жили мы не богато, (что такое

богатство, мы и понятия не имели), но и не очень бедно. Помню такой случай: мой отец, уже, будучи главным инженером, получил премию. Так вот, на эту премию он купил большой арбуз и каравай черного хлеба. Мама сдавала комнату жильцам, думаю, что не от хорошей жизни. Она очень хорошо вязала, всех нас обвязывала, моя сестра была всегда очень нарядно одета.

- Вы ездили отдыхать?

Летом мы ездили отдыхать. Иногда выезжали к Черному морю, чаще снимали небольшие домики в деревнях

- А как вас воспитывали?

Моя мама, на мой взгляд, придерживалась очень разумных воспитательных принципов. Наш дом был абсолютно открыт для моих товарищей и для подруг моей сестры. Мама хорошо понимала детей. Достаточно сказать, что мои друзья часто шли за советом к ней, а не к своим родителям. При этом мама была очень экспансивной, скорой на расправу. Мне от нее часто доставалось. Я был довольно шаловливым ребенком, свои наказания я получал вполне заслуженно. Расскажу случай, который мне запомнился. Я учился в школе. Моим основным интересом в школе была именно учеба, я очень любил учиться, мне это было интересно. Но дети в школе были разными. С разными интересами. В какой-то момент в школе стало модно играть в карты на деньги. Мне это не очень нравилось, но и отставать от товарищей не хотелось. Играли в домах у всех участников, по очереди, когда родителей не было дома. Подошла очередь играть у нас. А у меня не было от мамы никаких секретов.

Я ей объяснил, что настал наш черед, к нам придут друзья поиграть. Мама позволила. Пришло человек 10 мальчишек. Началась игра, как положено, на деньги. Мама к нам не заходила, но спустя некоторое время вдруг к нам пришел сосед и попросился поиграть с нами. Поставил рубль, быстро его проиграл и удалился. Потом я понял, что это был мамин агент, она его попросила выяснить, во что именно мы играем. Маме не хотелось заходить самой и ставить меня в неловкое положение перед друзьями. Через пару дней мама провела со мной подробную беседу об азартных играх, был упомянут даже Достоевский. [7] (*Достоевский был азартным игроком*) Мама мне ничего не запрещала, но после этого разговора я совершенно добровольно отказался от этой игры.

- А кто помогал маме по дому?

Мама много сама работала по дому, но у нас всегда были домашние работницы. У нас не было постоянно живущих с нами гувернанток, но всегда приходили учительницы, обучавшие нас с сестрой иностранным языкам. Немецкую грамоту я узнал раньше русской. Когда я был в 6-ом классе, меня стали учить английскому и французскому. От французского потом пришлось отказаться, это было слишком трудно. Но, когда я читал «Войну и мир» Толстого, я легко понимал все куски текста, написанные по-французски. Я любил языки, они мне легко давались. Правда, впоследствии, когда я общался с англичанами, я понял, что умею общаться с книгами, а не с людьми. Думаю, что это не моя вина, просто тогда так учили.

- Расскажите про школу.

В школу я пошел в Киеве. До 7-го класса школа мне казалась чем-то вроде игры, мне ничего не было трудно. А с 7-го класса нужно

было уже учиться серьезно. Я понял, что учиться мне нравится. Больше всего я любил математику.

- Каких учителей вы помните?

У нас был замечательный учитель Борис Соломонович Лемберский. Он умудрялся учить нас индивидуально на общих уроках. После обучения у него выпускникам школы не представляло никакого труда сдать вступительные экзамены куда бы то ни было. Еще запомнился учитель истории Павел Иванович Новосильцев. Он мне запомнился главным образом тем, что мы, дети, очень его интересовали. Но курс истории того времени был построен таким образом, что казалось, будто бы до 1905 года мир не существовал. Все, что я знаю по истории, я узнал самостоятельно из книг. Хуже всего преподавалась литература. Нам никогда не читали вслух, не обращали нашего внимания на красоту языка. Очень большое место в моей детской жизни занимал спорт. Сначала волейбол, потом плавание и теннис. Каждый день я занимался спортом 3-4 часа. Учился я хорошо, окончил школу на все «пятерки», что давало мне право поступать без экзаменов в любое высшее учебное заведение, пройдя лишь собеседование. У меня было много друзей, с некоторыми из них мы встречаемся и по сей день, хотя осталось нас, разумеется, очень мало. Последний раз мы отмечали 65-летний юбилей окончания школы. Друзья у меня были и евреи и неевреи. Кстати, в нашем классе евреев было больше половины. Но для меня национальность моих друзей никогда не имела ни малейшего значения.

- Помните политическую обстановку этого времени?

Хочу попутно рассказать, что школу я заканчивал в 1937 году, самый разгар Сталинских репрессий. Знаю я об этом не понаслышке. Мы жили в пятиэтажном доме, одна за другой в нашем подъезде опечатывались квартиры арестованных соседей. Помню, я проснулся однажды ночью и увидел, что мои родители стоят у окна и смотрят на улицу. Теперь я понимаю, что они следили за приближающимися автомобилями и думали, не за ними ли приехали на этот раз. В нашей семье отношение к репрессиям было абсолютно однозначным: никому и в голову не приходило, что арестованные люди хоть в чем-нибудь виновны. Но как-то так получилось (и это я ставлю в заслугу своей маме), что мы, дети, отчетливо понимали, что одно дело то, что говорится в семье, а другое – на людях. Родители не стеснялись вести при нас политические разговоры, моя мама была настолько экспансивной, что скрывать что-либо ей было трудно. Помню, что после того, как Хрущев разоблачил культ личности Сталина и реабилитировал многих узников, большинство, к сожалению, посмертно мама говорила: «Идет Хрущев по кладбищу, кланяется каждой могиле и говорит “Вы реабилитированы”». В общем, нас учили помалкивать. Хотя говорили, что справедливость надо отстаивать. Этот урок я тоже усвоил, позже расскажу, как я от этого пострадал. Кстати, хочу сказать, что я не верю людям, которые говорят, что узнали про сталинские репрессии только после разоблачения культа его личности. Все знали, но боялись, слишком страшно было знать.

- А куда вы пошли учиться дальше?

Итак, надо было выбирать институт. Сейчас я бы поступил на математический факультет университета и занимался бы своей любимой математикой. Но тогда я и понятия не имел, что существует

чистая наука, я рос в инженерном мире. Был вариант стать школьным учителем, но это было не так романтично. Я выбрал инженерную карьеру и поступил в Киевский политехнический институт. Родители мои никак не вмешивались в мой выбор профессии. Отец в очередной раз уехал из Киева работать завод под Горьким, который производил стекла для автомобилей. Отъезд отца, я думаю, имел еще одну причину. Отец чувствовал, то не сегодня-завтра его могут посадить. В таком случае иногда помогала простая перемена места жительства.

- Вам нравилось учиться?

В общем, я поступил в институт. Это был довольно легкомысленный поступок. Я не знал, что в институте много факультетов. Мне посоветовали факультет химического машиностроения, о котором я и понятия не имел. Проучился я там всего год. Этот год не произвел на меня сильного впечатления. По математике я учился хорошо, потому что был очень хорошо подготовлен. Как преподавали физику, мне не очень нравилось. Труднее всего мне давалось черчение. Это было просто мучение. Помню, преподаватель написал мне 93 замечания по моему чертежу. Помимо учебы мы постоянно участвовал и в собраниях, на которых должны были коллективно осуждать «врагов народа», участников различных, большей частью несуществующих группировок, которые в то время были арестованы и осуждены. Эти люди были в Москве, мы в Киеве, но это не имело никакого значения. Со студентами было нелегко, они задавали неудобные вопросы, отказывались голосовать за осуждающие резолюции. Я не могу сказать, что был на высоте, мое отношение было конформистское, сидел себе тихо, решал интегралы, голосовал, когда требовали. Наверное, поэтому и выжил, а по-другому выжить было и невозможно.

- А как получилось, что вы попали в военное училище?

Итак, прошел год. Время было предвоенное, постоянно шли наборы в военные училища. Нельзя назвать эти наборы полностью добровольными, во всяком случае, все комсомольцы были обязаны явиться на медицинскую комиссию. Я сам был не против того, чтобы пойти в училище: мне казалось, что в случае войны необходимо защищать свою страну, да и своим институтом я не особенно дорожил. На первой комиссии врач спросила меня, хочу ли я в училище. Я не хотел идти именно в это училище, о чем ей честно сказал. Она нашла у меня какой-то несуществующий дефект. Потом я явился на комиссию, отбирающую во флот. А я к этому времени захотел заниматься кораблестроением и сказал об этом врачу. Меня признали годным и послали учиться в училище им. Фрунзе в Ленинград. Это был 1938 год. С тех пор вся моя жизнь связана с флотом.

- Как вы там учились?

Меня зачислили сразу на второй курс. Обучение было совсем другое, чем в институте. Обучали не физике и математике, а навигации, астрономии и т. д. Среди преподавателей было много офицеров царского флота. По субботам и воскресеньям у нас устраивались балы. Каждый курсант получал два пропуска – на себя и на девушку, которую он приведет с собой. Наши балы были знамениты на весь город, а выпускники считались завидными женихами. Я не любил такие вечера, предпочитал ходить в бассейн. Пришел на бал один-единственный раз. С удивлением заметил, что пользуюсь

большим успехом. Потом понял, в чем дело. В это время вывесили доску с портретами Сталинских стипендиатов, а там была и моя фотография. Зимой мы занимались, а летом плавали. Первый год мы плавали на «Авроре». На второй год мы плавали на боевых кораблях, попали в Лиенау, тогда это была граница. Наши войска еще туда не вошли, но наши военные базы там уже были. Таким образом, я участвовал в начальной оккупации прибалтийских стран. Последняя практика была на Ладожском озере. Мы попали на остров Валаам в знаменитый монастырь. Монахи оттуда уже разбежались. Монастырь передали флоту, там должна была разместиться школа юнг. Меня потрясла сложность и налаженность монастырского хозяйства. Я попал в команду по очистке монастырской библиотеки. Литература там была не только церковная, но и светская, многих писателей я там прочитал впервые. Мы должны были уничтожить белогвардейскую литературу.

- Какова была обстановка на флоте перед войной?

Расскажу о предвоенных днях. Флоту в некотором отношении очень повезло. Нарком флота (военно-морской министр) Н. Г. Кузнецов был очень способным, решительным и проницательным человеком, в отличие от многих армейских генералов, например Ворошилова и даже Жукова. Сталин до последнего дня пытался оттянуть войну. Я точно знаю, что наш военно-морской атташе в Берлине точно знал, что 22 июня немцы нападут на СССР. Он сообщил об этом Кузнецову, который тут же явился к Сталину. Сталин сказал: «Не занимайтесь провокациями». Мне кажется, что Сталин просто не мог поверить, что кто-то может быть хитрее его, и отметал любые намеки на начало войны. 14 июня в «Правде» было напечатано опровержение ТАСС. (Телеграфное Агентство Советского Союза) Там говорилось, что немцы выполняют все свои обязательства, пресекались любые «панические настроения». А нас собрали в училище и сказали, что газеты газетами, но порох должен быть сухим. Дело в том, что Кузнецов в 1937 году был в Испании и видел, как немцы утопили испанский линкор с самолетов. Это произвело на него очень сильное впечатление. Поэтому, он ввел такую практику: предавалось по всем средствам связи всего одно слово, но это слово означал готовность номер один. Когда началась война, он сумел передать это слово, а генералы других родов войск писали длинные шифровки, которые потом долго расшифровывались. Вот и получилось, что при первом ударе немцев не пострадал ни один корабль, в то время как авиацию немцы уничтожили почти всю в первые дни войны.

- Где вы были, когда началась война?

Начало войны застало меня в Ленинграде во время сдачи экзаменов. Нас поделили на подводников и надводников. Я попал в подводники. Их послали доучиваться во Владивосток, а надводников в Астрахань. Таким образом, первые два месяца войны я провел на Дальнем Востоке. Затем нас разделили на четыре группы и послали на разные моря. Меня послали на север. Ехали мы медленно, в теплушках. Проезжали Москву. Там я очутился в начале ноября, горд был почти пустой. Производил очень тяжелое впечатление. По дороге один вагон из нашего состава разбомбили, одному нашему курсанту оторвало ноги. До этого случая я относился к войне довольно легкомысленно, а тут вдруг понял, что дело обстоит очень серьезно. Доехали мы до Архангельска, потом на корабле через льды дошли до Мурманска. Там

я пришел в отдел кадров. Меня спросили, где я хочу служить. Я сказал, что предпочел бы надводный флот. Меня назначили младшим штурманом на миноносец «Гремящий».

— А где были ваши родители?

Хочу сказать, что стало с моими родителями. Мама с сестрой с большим трудом выбрались из Киева почти под бомбами и добрались до Уфы. Отца же в начале войны мобилизовали, ему было уже 49 лет. Людей его возраста быстро отпустили из армии. Он тоже поехал в Уфу. Но тогда я ничего о них не знал.

— Вы где служили, что делали?

Моя служба заключалась в сопровождении конвоев. Англичане и американцы посылали по ленд-лизу в СССР танки, самолеты, тушенку. Ленд-лиз это помощь в долг. Программа эта осуществлялась по трем маршрутам. Один маршрут северный, это как раз мой, другой на Тихом океане – от Западного побережья США во Владивосток, а третий – в Иран, а оттуда по железной дороге. Самый безопасный маршрут - третий, но он и самый длительный, он занимал много месяцев. Северный – самый быстрый, но и самый опасный.

Хочу рассказать об отношении к ленд-лизу. Во время холодной войны помощь союзников умахалась. Говорили, что она составляла всего 4%. Это правда, но *какие 4%* и в *какое* время. Наша армия в начале войны терпела огромные потери. Без танков, самолетов, автомобилей, полученных по ленд-лизу, мы бы не выжили. Огромную роль сыграла эта помощь! И сейчас это признают.

Все это нужно было везти мимо Норвегии, которая была занята немцами. Корабли шли по коридору – с одной стороны Норвегия, оккупированная немцами и нашпигованная их аэродромами, а с другой стороны льды Арктики. Плыть нужно неделю, а самолету лететь, чтобы сбросить бомбы полчаса. Иностранцы называли дорогу в Мурманск не иначе, как «ад». Выглядело это так: плывут торговые корабли с грузом, который нужно доставить в Мурманск. Таких кораблей 20-30. Их окружают военные корабли, выстроенные кольцом, иногда если кораблей хватает, то таких колец два. Впереди следуют сторожевые корабли, которые выметают немецкие подлодки. С запада идут английские военные корабли, которые оберегают от нападения немецких надводных кораблей. Одновременно пускались в путь два конвоя – один из Мурманска, а другой из Англии. Мы провожали наши конвои и встречали английские.

В определенной точке – на 20-м меридиане - к кораблям сопровождения присоединяются советские военные корабли. Все это и называется конвоем. Конвой очень тихоходен. Многие корабли были потоплены немецкой авиацией. Вода ледяная, если человек попал в воду, шансов на выживание у него практически не остается. Кроме того, постоянно покрываются льдом пушки, с них постоянно приходилось скалывать лед. Немцы узнают о выходе конвоя задолго до того, как он приблизится к Норвегии, и выстраивают подводные лодки и готовят бомбардировщики. Немцы не только бомбили нас с самолетов, но и пускали торпеды. Мы вскоре научились стрелять из самых больших пушек по воде. Нужно было выстрелить таким образом, чтобы перед пикирующим самолетом поднялась стена воды, о которую он разбивался. Вот так проходила моя служба.

Я участвовал в 23 таких конвоях. Англичане, прошедшие в конвоях два раза и оставшиеся в живых, считают себя счастливыми людьми. Нашему кораблю повезло: бомба попала в него, когда он стоял в доке. Его пробило насквозь, но не задело машину, а это самое главное. Но около 15 человек погибли.

- Вы были в это время женаты?

Хочу вернуться немного назад. Еще когда я учился в училище Фрунзе, я женился. Жена моя была немка. Как только замполит об этом узнал, моя судьба была предрешена. Как-то раз у нас в кают-компании зашел разговор о военнопленных. Я сказал, что не все, кто попал в плен изменники и предатели родины. Замполит извратил мои слова, сказав, что я призывал сдаваться в плен. Через неделю меня исключили из партии и списали с миноносца. У меня к этому моменту было за плечами 9 конвоев. Меня послали во флотский экипаж. Это такое место, куда попадают молодые моряки перед тем, как получить назначение на корабль. Я был назначен командиром взвода девушек, которых в это время призывали на флот. После моей более чем серьезной службы, удар был очень сильным, но с ног он меня окончательно не сбил. Я написал письмо флагманскому штурману с просьбой послать меня хоть на какой-нибудь корабль. К моему счастью, через месяц я получил назначение штурманом. Потом я понял, почему мне так быстро помогли, дело в том, что флагманский штурман сам незадолго до войны был арестован, он хорошо понимал, что обвинения далеко не всегда бывают справедливыми.

- А потом, куда вы попали?

Я попал совсем на другой корабль. Это был мобилизованный рыбный тральщик. На нем были две маленькие пушки, он нес дозорную службу у входа в Кольский залив. Этот корабль был настоящей живой мишенью. Когда немецкий самолет возвращался после неудавшейся по какой-либо причине бомбардировки Мурманска, он всегда имел возможность разбомбить наш тральщик. Таких тральщиков гибло очень много, а нашему повезло. Однажды мы получили радиogramму, что к северу от нас плывет бот, на котором находятся 50 полузамерзших людей с разбомбленного конвоя. Мы их нашли, подняли на борт, обогрели, доставили в госпиталь. Через 50 лет к нам в Ленинград приехали на встречу англичане, водившие конвой. Я выступал на этой встрече, где и рассказал эту историю. Через месяц я получил письмо из Англии от одного из спасенных. С тех пор мы переписывались.

На этом корабле я был единственный кадровый военный. Прослужил я там 8 месяцев. Не буду утомлять вас техническими подробностями, скажу только, что я заметил некоторые неполадки в навигации, о чем сообщил флагманскому штурману. Меня заметили и перевели с тральщика на боевой корабль, сначала на сторожевой, а потом на миноносец «Разумный», где я и служил до конца войны. Закончил я войну командиром миноносца.

- Вы сталкивались с антисемитизмом?

До конца войны мне никогда не приходилось сталкиваться с антисемитизмом. В училище, кстати, на 1000 человек евреев было человек 7-8. На кораблях их было тоже мало. Мои товарищи, которые служили не на флоте, рассказывали мне, что душок антисемитизма в армии присутствовал. Но это я говорю о бытовом антисемитизме.

Государственный антисемитизм, безусловно, имел место, с ним сталкивался и я сам и окружающие меня люди.

- С чем вы закончили войну?

Итак закончилась война. Я награжден четырьмя орденами: Орденами Отечественной Войны 1 и 2 степени и двумя орденами Красной Звезды. Медалей у меня более 20-ти. После войны я еще два года служил на этом же миноносце. Мы обучали матросов, проводили учебные стрельбы.

- А что было в вашей личной жизни?

По некоторым обстоятельствам, которые я не буду уточнять, мой первый брак распался и я женился в 1947 году на Любовь Мироновне Вовси. Любовь Мироновна родилась в Москве в 1925 году, окончила физический факультет Московского университета. Работала в Ленинграде в Институте телевидения.

- Как вы встретились?

После взятия Берлина мне дали отпуск. Мои родители с сестрой к этому времени переехали в Москву, отец получил назначение на стекольный завод под Москвой. Завод этот был совсем близко от Москвы, отец ездил туда на работу. 9-го мая 1945 года мы с толпой ликующих москвичей пошли гулять на Манежную площадь. Сестра пригласила погулять с нами свою подругу, это и была Любовь Мироновна. Моя сестра была очень веселой девушкой, вот она и придумала для меня такое развлечение: она купила мне 13 пар билетов в театры и на каждый спектакль приглашала мне в спутницы по одной из своих подруг. Одной из этих подруг оказалась Любовь Мироновна, это была уже вторая наша встреча. Я сначала ничего не имел в виду, был вежлив со всеми, угощал девушек пирожными. С этим было сложно, я не знал названий этих самых пирожных. Одна из моих спутниц говорит: «Я хочу эклер», а я и понятия не имею, что это такое.

-Что вы делали потом?

В 1947 году я поступил в Военно-морскую академию им. Ворошилова в Ленинграде. Поступить туда было не просто, я выдержал большой конкурс и успешно учился. Среди прочих предметов были, разумеется, и «Основы марксизма-ленинизма». Там я допустил большую глупость. Мы обсуждали труды классиков, в частности, Ленина. Я почему-то назвал одну из книг Ленина «пресловутой». Я ничего не имел в виду, но этого оказалось достаточным, чтобы исключить меня из партии. Благодаря хлопотам отца моей жены, отец Любы профессор Мирон Семенович Вовси был во время войны главным терапевтом армии, исключение из партии заменили более легким наказанием – из членов партии перевели в кандидаты в члены. В общем, дали доучиться. Окончил я академию со всеми пятерками, за диплом поставили «четверку». Если бы я получил «пять» и за диплом, то мою фамилию пришлось бы написать на мраморной доске и вывесить в вестибюле академии, а для человек только что исключенного из партии это было невозможно. Назначили меня преподавателем в Инженерную академию им. Крылова. Для карьеры морского офицера это плохое назначение. Год я спокойно работал, написал первую книгу, но наступил 1952 год.

- Как вас коснулось дело врачей?

В 1952 году по Делу врачей были арестованы родители моей жены. Меня очередной раз исключили из партии, уволили с работы и

из армии. Жена в это время работала в Ленинградском институте телевидения. Ее уволили тоже. К тому времени у нас было двое детей, мой сын от первого брака 1941 года рождения и наш общий сын 1949 года рождения. Детей мы отправили к моим родителям. Сами мы ждали ареста каждую минуту. Я стал искать работу, дома не было ни копейки денег. Мы продавали книги, вещи. Я сначала наивно пытался найти работу по специальности. У меня было хорошее образование, меня всюду хотели принять до того момента, когда я говорил, кто моя жена. Мне отказали сначала во всех специальных учебных заведениях, потом во всех школах. Стал искать работу попроще, например, рулевым на маленький катер. А мне говорят: «Как мы можем доверить руль зятю главного убийцы». Не взяли меня и учиться на троллейбусные курсы. Меня брали на работу капитаном буксира, но условием ставили развод с женой. Это мне тоже не подошло. Случайно я встретил моего друга, капитана миноносца, который был тоже уволен из армии, но по гораздо более «почетному» поводу – он был пьяницей. Теперь он занимал должность капитана Ленинградского рыболовецкого флота. Мы с ним были очень хорошо знакомы, он пообещал устроить меня на должность дежурного диспетчера. Меня привели к директору, я честно все рассказал. Он меня взял, но с условием, что при любом возникшем слухе о деталях моей биографии, он меня тотчас уволит. Я пытался доставать работу и для Любови Мироновны, брал ей переводы, которые она делала, но не под своей фамилией.

-Как изменилась ваша жизнь после смерти Сталина?

Наконец, умер Сталин. Отцу жены сказали, что его на днях освободят, нет ли у него какого-нибудь желания. Он сказал, что хочет знать о судьбе своих близких. Ему ответили: «За жену можете быть спокойны, она у нас, а про дочку мы узнаем». Но это мы узнали позже. А когда умер Сталин, жена плакала, она была уверена, что казнь состоится с минуты на минуту. А меня вызвал мой директор и сказал: «Помнишь наше условие? Вчера меня спрашивали о тебе представители НКВД. Пиши заявление об увольнении». Я написал, но совершенно неожиданно за меня вступился профсоюз. Комиссия профсоюза не дала согласия на мое увольнение. Возвращаясь назад, хочу сказать, что когда меня исключали из партии, я написал апелляцию, послал ее в партийные органы и благополучно о ней позабыл. И теперь, после смерти Сталина, меня вызвали в партийную комиссию в Москву и сказали, что моя апелляция рассмотрена и в партии меня восстановили. На следующий день я получил назначение на должность заместителя начальника штаба эскадры в Таллинне. Должность была самая завидная, но я к этому времени вошел во вкус работы в академии и захотел туда вернуться. Начальник академии мне сказал: «Столько людей плясало на твоих костях, вам вместе будет трудно, приходи через год».

- Где вы служили потом?

Итак, я отправился в Таллинн. Прослужил я там три года. Семья моя осталась в Ленинграде, я жил в каюте прямо на корабле. Служилось мне легко. Я ведь не так давно окончил академию, а за тот год, что я проработал в академии Крылова, я написал две книги. Моя научная подготовка была достаточно высокой. Эти книги мне очень пригодились во время службы в Таллинне. Кроме того, меня окружали

люди, которых я знал по войне. Начальником штаба был мой военный товарищ и соученик по академии. Я довольно быстро завоевал хорошую репутацию, было понятно, что я нахожусь на своем месте. Хочу напомнить, что я приехал в Таллинн оштрафованным по партийной линии. Я был переведен в кандидаты в члены партии, это означало, что по истечении года меня должны были восстановить в партии. Прошел год, настал момент восстановления, вдруг меня вызывает начальник политотдела и говорит, что надо подождать еще год. Я быстро сообразил, в чем дело. Как раз в этот момент арестовали Берия. А мне рассказывал мой тесть Мирон Семенович Вовси, что, когда его освобождали из тюрьмы, его вызвал к себе лично Берия и сказал, что он теперь свободный человек. Я имел неосторожность кому-то об этом рассказать. Поэтому арест Берии бросил на меня тень. Так я оказался заодно с Берией. Вот такая трагикомическая история. Меня восстановили в партии не через год, а через полгода.

В 1956 году мне предложили повышение на Камчатке. Но я решил, что хочу вернуться в Ленинград и заниматься научно-педагогической деятельностью. Мне дали хорошие характеристики, и я вернулся в академию Крылова, где работал в научной группе. Я написал книгу о кораблях нового поколения и на основании этой книги защитил диссертацию, стал кандидатом наук. Защита тоже не прошла спокойно. Все шло хорошо, отзывы были прекрасные, но вдруг встал начальник политотдела (эти органы меня очень любили) и спросил, за что меня исключили из партии. Я ответил, что исключили по таким-то причинам, а потом восстановили. Он сказал, что ему все понятно и сел на место. Но его вопрос явился сигналом, разрешением к травле. Я не набрал при голосовании нужного числа голосов. Сам начальник академии развел руками и сказал: «Я не понимаю членов нашего ученого совета». Тем временем, книгу, по которой я защищался, издали. История получилась комическая – диссертация завалена, а книга издана. Более того, многие корабли в это время строились прямо по моей книге. Меня вызвал к себе начальник академии и сказал: «Пора кончать, подавай на защиту второй раз». Я подал и защитился единогласно. Все это вместе заняло год. Я не жалею об этом времени, работалось мне там хорошо.

- А как жили в это время родители вашей жены?

Тут произошла еще одна трагедия в нашей семье: заболел мой тесть профессор Вовси. У него обнаружили рак. Он был один из лучших врачей своего времени, и сам сказал, что не проживет более 8 месяцев. Естественно, он захотел, чтобы его дочь была рядом с ним. Он попросил моего согласия на перевод в Москву. Я не мог ему отказать, хотя служба у меня была такая, о которой можно только мечтать. Меня перевели в Главный морской штаб. Мы с женой и двумя детьми поселились вместе с родителями жены. Старший сын Александр от первого брака остался в Ленинграде, он к этому времени был студентом третьего курса Политехнического института. В Главном штабе я служил в оперативном управлении, это самое секретное подразделение, я был там единственным евреем. Может быть, из-за этого меня перевели в другое подразделение – морской научный комитет. Сделали это очень деликатно, мотивировали моими собственными научными интересами. Мой тесть скончался, больные несли его гроб на руках до могилы, его смерть была огромной потерей

не только для родных, но и для медицины в целом. Я уверен, что его арест приблизил его кончину. Примерно через год меня вдруг лишили допуска к секретной работе. Объяснений не было дано никаких, но я уверен, что дело в государственном антисемитизме, который к этому времени буйно расцвел. Мне все это надоело, я позвонил в КГБ старшему представителю по Морскому флоту, попросил аудиенцию. Меня принял вежливый морской офицер. Я показал ему список своих научных трудов. Он сказал: «Вы же ученый человек, зачем вам главный морской штаб?» Я объяснил, что штаб мне не нужен, что я вынужден был там работать только из-за болезни тестя. Офицер сказал, что это меняет дело. В общем, мне удалось вернуться в Академию Крылова. Были еще некоторые сложности с жильем, но все благополучно разрешилось. Моя теща не захотела ехать с нами, она осталась в Москве, а мы с женой и детьми вернулись в Ленинград. Мне нужен был допуск к секретной работе, которого меня лишили в Москве, но я его получил на удивление быстро, я понял, что мне помог человек из КГБ. Я работал в академии с 1962 по 1973 год. Работал я успешно, написал еще несколько книг, защитил докторскую диссертацию. В 1973 году мне исполнилось 55 лет, пора было выходить в отставку. Я демобилизовался, сидеть дома не хотелось, стал думать, куда пойти работать. У меня было имя, как в научном, так и в учебном мире. Я решил пойти преподавать в какой-нибудь институт. Это было не так-то просто, мне немного мешал мой научный вес. Не все хотели иметь на кафедре конкурента. В результате я решил поступить работать в Институт методов и техники управления. Это был институт повышения квалификации по новой компьютерной технике. Моя последняя деятельность в академии была как раз связана с компьютерной техникой. Работал я спокойно, с удовольствием, преподавал, занимался научной работой. Через пять лет я стал заведующим кафедрой Автоматизированных Систем Управления (АСУ). И в этой должности я проработал 23 года до 2001 года. У меня я на кафедре всегда была очень хорошая обстановка. Я успел написать еще 2 книги и без счета статей. Много ездил в командировки, на различные конференции. Тут подоспела перестройка, а за ней распад СССР. Многие институты тогда распались, а наш институт выжил, но был уже не тот, что прежде.

- Расскажите о своих детях?

Сейчас я расскажу о своих детях. Все трое моих сыновей росли в любви к математике. Мой старший сын Александр родился в 1941 году. Он был очень одаренный мальчик. Окончил школу с золотой медалью, учился в политехническом институте, собирался переводиться в университет. Но в возрасте 22 лет он погиб – утонул в Сибири, где был в туристском походе. Мои младшие сыновья окончили математический факультет университета. Они теперь специалисты по теории вероятностей. Борис, который родился в 1949 году, окончил специальную математическую школу с золотой медалью. Поступить в университет с нашей фамилией было почти невозможно, но мы решили, что стоит попытаться. На первом же экзамене по математике он получил «тройку». Поступление с тройкой абсолютно исключалось. Нам очень помог советом бывший руководитель математического кружка в Бориной школе, к тому моменту сотрудник университета Марк Башмаков. Он сказал, чтобы

Борис сдавал остальные экзамены, а потом обратился бы по поводу «тройки» в апелляционную комиссию, которая была призвана проверять, насколько честно выставляются оценки на вступительных экзаменах. Это был мудрый совет: Борис получил «пятерки» по остальным предметам, эти пятерки выставлялись честно, т. к. было ясно, что абитуриент с «тройкой» пройти по конкурсу не сможет. Затем сын обратился в апелляционную комиссию, которая вынуждена была признать, что его работа написана на «пять». Когда Боря окончил университет, он стал поступать в аспирантуру, но получил «тройку» по марксизму-ленинизму и не прошел по конкурсу. Еврей в аспирантуре университета – это уже слишком! Марк Башмаков в это время работал в ЛЭТИ – Ленинградском электротехническом институте. Он пригласил Бориса работать к себе. Борис с благодарностью принял его приглашение. Но Марк сыграл большую роль и в моей жизни. Об этом я расскажу чуть позже. Борис до сих пор работает доцентом в ЛЭТИ. У него две дочери.

Мой младший сын Михаил родился в 1956 году. Он теперь профессор университета, тоже математик, занимается теорией вероятностей. Он тоже учился на математическом факультете университета. У него трое детей.

- Чем вы занимались потом?

Как-то раз, примерно в 1991-92 году, Марк Башмаков, о котором я уже говорил, позвонил мне и сказал, что познакомился в Италии с одним русским эмигрантом, Владимиром Юрьевичем Ладыженским, который хочет организовать проект по помощи России. Марк считал, что я смогу участвовать в проекте с российской стороны. Владимир Юрьевич приехал в наш институт, все осмотрел, высоко оценил нашу оснащенность новым оборудованием и сказал, что мы вполне отвечаем его цели. А целью его было создание небольших центров профессионального обновления. Один из таких центров он хотел создать на базе нашего института, а меня сделать директором этого центра. Так и было сделано. Я подобрал для работы хороший, сильный коллектив. Наш проект прошел все инстанции, везде был утвержден. В течение первого же года работы по проекту его участники поехали в длительные заграничные командировки. Первый город, куда поехали участники проекта, был Рим. Я, разумеется, был потрясен красотой города, но с точки зрения дела понял. Что научить нас итальянцы ничему не смогут. Мы были на вполне хорошем уровне в смысле научной подготовки. Это было приятно и очень важно для нас. Ведь железный занавес только недавно приоткрылся, у нас было мало возможностей сравнить свой уровень с мировым. Наша следующая поездка была в Лондон. Там мы посетили компьютерную лабораторию ОРТа. Это было очень интересно и полезно, и там мы смогли многому научиться.

Наш проект успешно продолжался, я приобрел некоторую известность в этой области. Меня пригласили участвовать еще в одном совместном международном проекте. А потом я и сам их организовывал. В общем, в эти годы я помотался по Европе. Продолжалось это все около 9 лет. При этом я не оставлял свою основную работу, продолжал преподавать и заведовать кафедрой. Даже сейчас я продолжаю заниматься подобными проектами, но теперь на базе Политехнического института.

После того, как в 2001 году я ушел с должности заведующего кафедрой в Институте методов и техники управления, я продолжал

работать там в должности профессора-консультанта, я создал на базе института систему дистанционного образования.

В нашей семье никогда не ставился вопрос об отъезде в Израиль ни нами, ни нашими детьми.

- Как вы относились к различным знаковым событиям в нашей стране?

До 1937 года еще можно было говорить о плюсах и минусах советского строя. После 37-го года все плюсы были перечеркнуты минусами. Я совершенно трезво оценивал все политические события. Я был на стороне венгров во время Венгерской революции, на стороне чехов во время Пражской весны. Но я был конформистом, я не выходил с протестом на Красную площадь. Я считаю, что Горбачев сделал великое дело – развалили коммунистическую систему. Мне кажется, что его недооценивают, что он сделал для страны гораздо больше, чем Ельцин. Он один воевал с советской властью.

Я не участвую в еврейской жизни Петербурга. Любовь Мироновна время от времени получает в Хеседе посылки.